

Игорь Саторин

Механический Бог

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНЮЮ

БРАНЬ

Вскрытие реальности

Игорь Саторин

Механический бог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43634348

SelfPub; 2019

Аннотация

Вы не представляете, как всех вас дурачат. Все в вашей жизни – сплошной обман. И дело не в подстроенных выборах, подстроенных опять же терактах, не в пропаганде лживых ценностей, бесполезного ширпотреба, надувательских сделок с кредитными организациями, ядовитых продуктов, всевозможных гламурных гаджетов и прочих бессмысленных виджетов. Это даже не цветочки, а так – пылинки на небоскребе вопиющей лжи и притворства. Искусственно подстроеным в вашей жизни является практически все. Книга рекомендуется к прочтению натошак лицам, заинтересованным в познании умопомрачительной тайны бытия. Содержит нецензурную брань.

«Мне наплевать, что вы обо мне думаете.

Я о вас не думаю вообще».

Коко Шанель

Мудрость мира сего есть безумие пред Господом
(1Кор.3:19)

– Это не я написал письмо. Там нет моей подписи

– Тем более! Значит, ты задумал что-то неладное!

М-ф «Алиса в стране чудес»

Предисловие

Решение распространять этот текст, в том числе и среди мирян, далось нелегко. Поразмыслив, мы решили убрать из мирского издания значительную часть описаний технических процессов вскрытия реальности. Так что сейчас книга эта вполне сойдет за психологический роман о тайнах мирового правительства и космического мироздания, в которые простой люд, разумеется, не поверит. Автор попросил меня настроичить для мирян специальное предисловие, описывающее контекст повествования. Пожалуй, начну я с самого актуального для вас – простых смертных. Мне до сих пор совестно об этом говорить, так как я и сам по воле судьбы затесался в ряды бездушных дирижеров того исполинского массива лжи, что беспощадно проводят через ваше сознание мне подобные на протяжении столетий. Но сейчас, ко-

гда время ускоряется, и Создатель вечности приближается вплотную к своему творению, продолжать и дальше играть в молчанку, делая вид, что ничего не происходит – уже поздно.

Так вот, вы даже не представляете, как всех вас дураят. Все-все в вашей жизни – один сплошной обман. И дело тут вовсе не в подстроенных выборах, подстроенных опять же терактах, или манипулятивной пропаганде удобных для системы ценностей, бесполезного ширпотреба, надувательских сделок с кредитными организациями, ядовитых продуктов, всевозможных гламурных гаджетов и прочих бессмысленных виджетов. Все это даже не цветочки, а так – пылинки на небоскребе вопиющей лжи и притворства. Искусственно подстроеным в вашей жизни является практически все.

Взять те же гаджеты. Вы думаете – это оплот современной технологической мысли? Все последние продукты от Apple – это даже не прошлый век. Современные технологии, доступные сегодня массам отстают на двести лет от реального уровня прогресса цивилизации. А как вы сами думаете? Власть – самое ценное для стоящих у власти. Зачем нам делиться с вами? Дело не в том, что мы жадные. Просто мы слишком хорошо знаем, во что это выльется. Мы уже обжигались, и потому не подпускаем к реальному миру и процента от человечества, утопшего в собственных иллюзиях.

Вам пудрят мозги самые виртуозные в этом деле мастера, обученные этому низменному искусству по специальной программе в школе наставников мирового правитель-

ства. Меня воистину восхищают масштабы этого грандиозного спектакля, который ради всеобщей потехи здесь разыгрывается. Повторюсь, речь вовсе не о политике и даже не о технологиях. Обман проник в самые основы мирской жизни, в глубочайшие истоки вашего существования. Вы все – участники «Шоу Трумана», поглощенные бессмысленными проекциями бесчисленных гипнотизаторов.

Сам гипнотизатор (по-вашему – телевизор, а ныне – еще и компьютер с интернетом) был изначально задуман, как способ внедрения в массы искусственного мировоззрения «нормального человека». При этом саму нормальность мы изначально прописывали таким образом, чтобы любые реальные отклонения от ее шаблонов давили на ваши самые позорные комплексы. Бесконечные субкультуры, секты и мелюзговые выпады прочих «гениальных» пророков современности – не в счет. Каждый «избранный» – лишь очередной механизм «контроля матрицы». Такую разновидность рафинированной нормальности мы предсказывали, и намеренно стимулировали во все времена. Все это – старые добрые методы всеобъемлющего самоутверждения нации за свой собственный счет.

Вы только подумайте, чего стоят ваши бесконечные мыльные оперы, раздутые на пустом месте драмы и местечковые интриги. Насколько же слепо вы принимаете неврозы на почве собственной ущербности за так называемую «реальную любовь». Дети невротиков поколениями с ранних лет гене-

рируют в себе неутолимое чувство собственной дефектности, а после пытаются его компенсировать уничижающим превосходством над другими людьми. Почти все отношения между вами держатся исключительно на самоутверждении, то есть – на возвеличивании собственной ничтожности. И все это – совершенно нормально!

Мы непрерывно воссоздаем и развиваем эталон современной нормальности, по которому все вы учитесь жить. Ваши предки учились этому, уставившись в гипнотизатор, почитывая прессу и книги. Затем, они встречались с другими людьми, и усердно размножали в массах все последние черты, свойства и даже самые незначительные царапинки последней версии внушаемого нами мировоззрения «нормального человека». Ваше поколение мы подключили к интернету, через который ныне внедряем сетевую разновидность этого вируса – аномальной нормальности, против которого защиты в природе не существует. Даже если вы отрубите все каналы связи, это будет лишь очередным жестом в рамках все того же безвыходного лабиринта мировоззрения, которое мы для вас искусственно создали.

Иногда мы подкидываем в мир обглоданный кусок кости от «тела» истины, обряжая ее в анекдотичные одеяния с дешевыми спецэффектами, чтобы поверить в такую «истину» мог разве что наивный ребенок. И эта книга – не исключение. Это – наши иммунные прививки против вашего «заражения» правдой. Очередная серия «Матрицы», и вы верите,

что «такое» бывает только в кино... Очередная глумливая история правды, и вы верите, что правда – это всего лишь очередная глумливая история.

Наши звезды – верхушка мирской власти. Мы снимаем шоу и с наслаждением смотрим на отклики. Но все это – лишь самая поверхность колоссального айсберга лжи. Мы давно не интересуемся политикой. Этим в мировом «правительстве» занимаются самые бездарные и отсталые из нас. Политика нас интересует по мере ее влияния на нашу жизнь – то есть, не интересует вообще. У нас нет причин делить власть. Она вся – наша. Мы уже давно задаемся другими вопросами. Нам интересно знать, кто мы такие, и откуда появились здесь – в этом мире. Мы пресытились играми и похотью, и теперь как бы пафосно это не звучало, всерьез интересуемся вопросами смысла нашей скоротечной жизни здесь – на этой планете. Мы не философы, мы – практики. Мы стремимся постичь происходящее, узреть Создателя, используя для этого все доступные средства. А среди них – реальные последние технологии и непобедимая наглость на пару с неутолимимым любопытством. И так уж получилось, что именно сейчас мы, наконец, вплотную приблизились к своей цели.

В этом тексте автор пробует дать мимолетный взгляд на мировоззрение свободных от обмана людей, и на жизнь, в которой внимание реципиентов не гасится невротичными воспитателями и СМИ, но напротив, пробуждается для позна-

ния истинного положения дел.

Рекомендуется к прочтению (натошак) лицам, заинтересованным в познании умопомрачительной тайны бытия.

В.М. по просьбе Тэо

Цитадель

Может быть

За семьсот тридцать дней до озарения

Это был небольшой светлый кабинет, уставленный вдоль стен антикварными стеллажами со старыми бумажными книгами. По центру комнаты располагался круглый стол из красного дерева, окруженный десятком стульев с мягкой обивкой. Я выдвинул один и присел. Комната казалась уютной, но что-то было не так. Я не помнил, как попал сюда...

Вошла незнакомая очень красивая черноволосая девушка, бегло глянула на меня, как на незначительное шевеление в сфере бокового зрения, и присела на стул с другой стороны стола.

– Добрый день, – сказал я на всякий случай.

– Здравствуй, – тихо ответила она, даже не взглянув на меня.

– Прощу прощения, – сказал я, – это может показаться странным, не могли бы вы сказать, где мы находимся?

– В библиотеке, – ответила она и отвернулась.

Кажется, незнакомка не была настроена разговаривать, а

мне не хотелось показаться еще более странным. Я начал судорожно соображать, что было последним в моих воспоминаниях. Со мной творилось что-то удивительное. Я почти не помнил последних дней. Воспоминания возникали внезапными вспышками, словно нанизанные на тонкую нить бусинки с четко очерченными кромками, опоясывавшими края короткометражек, из которых состояла моя память.

В комнату бодрым шагом вошел еще один человек – парень среднего роста, плотного телосложения, с яркими голубыми глазами.

– Макс, – он неожиданно протянул мне руку.

– Тэо, – ответил я. – Тэо Ботов.

– Сын Михаила Ботова. Нам сообщили про твой перевод.

«Мой перевод? – И тут до меня начало доходить. Меня же перевели в пси-корпус – элитный рассадник продвинутых мозгоправов. – Должно быть, это был первый день моих занятий здесь, – понял я. – Но почему я не помню, как попал сюда? Лучше вести себя, как ни в чем не бывало».

Голубоглазый парень по имени Макс начал меня недоверчиво оглядывать.

– Что-то не так? – чуть стыдливо спросил я.

– Вот ты мне и скажи... – предложил он.

– Не вполне понимаю, о чем речь, – признался я.

– А ты вообще... в порядке? – поинтересовался он, прищурив глаза.

– В каком смысле? – я наигранно удивился. Мне не хоте-

лось выдавать свою необъяснимую забывчивость.

– Что-то с тобой не так. Какой-то ты не такой... – заявил он с ехидной улыбкой.

– Возможно, я смогу перестать тебя разочаровывать, если ты пояснишь конкретней, что тебя так смущает. Может, у тебя легкий приступ паранойи? – парировал я.

– Ты только не нервничай, – осторожно сказал он, – сейчас придет опытный специалист, и мы окажем тебе помощь.

– Теперь у тебя приступ милосердия... – ответил я. – Наверное, я смог бы помочь тебе, приняв твою помощь, если это утихомирит твою паранойю.

Брюнетка сидела молча, уставившись в личный терминал. Наш диалог она игнорировала. «Какие странные ребята».

– Если тебя утешает идея о том, что у меня паранойя, пусть будет так, – ответил он почти шепотом. – Все в порядке – ты совершенно нормальный здоровый человек, – успокаивал он меня.

– А ты со всеми так знакомишься? – поинтересовался я.

– А ты не промах! Это была шутка – проверка реакции, – пояснил он. – Говоришь реципиенту, что с ним что-то не так, и потому, как он выпутывается сразу ясно, чего человек стоит.

– Так ведь и до срыва довести можно... – усмехнулся я.

– Да. На самом деле покупаются почти все. Удивительно – со всеми что-то не так. И с тобой, кстати, тоже. Но выкручиваешься ты проворно – как будто и вправду нормальный...

«Мозгоправы... Здоровых людей для них не бывает. Они ведь и сами, как люди не общаются. Лечат-лечат. Компенсируют свою неспособность к нормальным отношениям. Пора привыкать, думал я. Скоро сам таким стану».

В комнату вошли еще несколько человек: высокий сутулый парень – по всему виду – типичный ботаник, молодой человек в модном сиреновом пиджаке с взлохмаченными русыми волосами и милостивая девушка в сером платье с короткими кружевными рукавами. Сразу за ними вошел мужчина среднего возраста в синих джинсах и серой водолазке. «Наставник, догадался я».

Мужчина порылся за книжным стеллажом, извлек раскладную грифельную доску, установил ее перед нами и энергичными угловатыми царапинами сделал надпись: «Практическая теория вероятности».

– Может быть, – начал он без предисловий, – нет ни каких прошлых и будущих рождений, нет даже прошедших лет, месяцев, дней и часов. Может быть, даже того мгновения, в которое как вам – бездарям кажется, началось это занятие, не существовало. Может быть, жизнь только что началась, и вспомнить все можно, углубившись в осознание этого факта. Может быть, этот мир – ваша игра, и все его законы – ваша хитроумная выдумка, или просто развлечение.

– А может, все это просто бред сивой кобылы? – предположил Макс с возмущенной брезгливой ухмылкой.

– Может быть.

– Вальтер, – Макс обратился к наставнику, – ну понятно же, что все может быть. Зачем эти нелепые перечисления?

Этот выпад Макса меня успокоил. «Значит, – понял я, – он со всеми так разговаривает. А я ведь и вправду переживал, что со мной, как он сказал – «что-то не так».

– Понимать, что все может быть – мало, – хладнокровного отвечал наставник. – Надо еще понимать, что конкретно может быть. А может быть, между прочим – полный абзац. Даже с вами – избранными.

Про избранных Вальтер, конечно, подшучивал. Однако большинство из нас были отобраны среди миллионов мирян, как потенциально полезные для мирового правительства граждане. Нам раскрывали правду. Нас обучали по специальной программе исключительно полезным вещам, которые не имели ничего общего с тем мусором, которым пичкают ребят в общеобразовательных заведениях.

«Миряне» – так высокомерно мы называем обывателей, обитающих в обычных городах на поверхности земли. В систему отбора я основательно не вникал, потому что сам получил мировое гражданство по праву рождения – от отца. Я только слышал, что отбирать стараются, разумеется, самых способных. Каждый «избранный» независимо от своего возраста получает образование конкретно по своей профессии, плюс – общее образование по психологии и физиологии. Почти ничего схожего наше обучение с образованием мирян не имеет. Только терминология частично сохранена для удоб-

ства.

– Может быть, – продолжал наставник своим монотонным басом, – перевоплощений и жизни после смерти не существует, и вселенная материальна и объективна, какой ее видит материалист. Сознание, мысли, чувства, любовь, восторг, счастье, радость, творчество – всего лишь биохимические реакции в мозге.

– Какой ужас, – сказала пронзительным шепотом девушка в сером платье. Она сидела рядом с молчаливой брюнеткой.

– Может быть, Анна – многозначительно обратился к ней наставник, – ты и есть Кришна, Будда, Иисус и Дева Мария в одном лице. Может быть, каждый человек – это твое воплощение. И каждый предмет и форма являются крупницей твоего тела.

– Моего тела? – возмутилась она.

– Может быть, этот мир, – теперь наставник посмотрел на меня, – твоя шутка, ты рассмеешься через мгновение, и все закончится. А может быть, этого мира не существует, и реальность вокруг тебя – всего лишь преломление пустоты. Может быть, все твои рождения уже давно прошли и сейчас – миг просветления, в который перед тобой проносятся картины всех твоих воплощений, в одном из которых ты человек, пришедший на это занятие. А может быть, настоящего не существует и правы те, кто верит в прошлое и будущее. И ты живешь в этом прошлом в ожидании будущего.

– Боже, ну что за бред! – снова не выдержал Макс. – Мо-

жет быть, вы не в курсе, Вальтер, теория вероятности – это такой раздел в математике про закономерности случайных явлений. А вы нам какую-то, простите, низкосортную шизо-терику подмазать пытаетесь. Это же порнография – все эти ваши воплощения!

Несколько человек в комнате одобрительно закивали.

– Какие же Вы бездари, – сказал наставник с театральным презрением (слишком уж резкой была эта перемена в его лице), и начал обводить сидящих тяжелым взглядом исподлобья. Все молчали. – И кем вы станете? Политиками? Жалкими министрами? А может быть, я после этого занятия напишу рапорт, и некоторых из вас выпнут обратно в города...

Макс тихонько хмыкнул. Лицо Анны выражало тревожную неприязнь.

– Шучу, – оправдался Вальтер.

– Конечно, шутите, – подтвердил Макс. – Но не смешно как-то шутите. Шутите смешно. А то, знаете, скучно.

– Может быть, все это уже было, – продолжил наставник с внезапно возвратившимся крокодильим бесстрашием. – И было – бесчисленное количество раз: повторялись все события, разговоры, чувства, переживания. Может быть, через многие миллиарды лет и эта жизнь повторится.

– Вот жопа, – разгорячился Макс.

– Может быть, – ответил наставник. – А может быть – и нет.

– Вальтер, а это правда? Так могло быть? – спросил парень

в пиджаке, видимо принимая всерьез всю эту, как мне тогда казалось, ересь.

Наставник хлопнул в ладоши, и в этот самый момент я, наверное, впервые в жизни ощутил такое яркое дежавю, словно уже видел всю эту ситуацию в этом кабинете. То есть – не какую-то схожую, а именно эту. Что-то со мной действительно было не так.

– Давид, ты что, тупой? – Я же тебе черным по белому говорю, что может быть, мать твою, все так и было...

– Сэмпай, все-таки, простите, что перебиваю, – ответил он, – но вот по факту, одно исключает другое. Если правы материалисты, и все, что мы ощущаем – биохимия, тогда о каком при этом посмертном существовании вообще может идти речь?

Давид звал наставника модным словечком «сэмпай» (кажется, так на востоке называют альфа-самцов). Разговаривал он с каким-то слабодушным подобострастием – видимо наставник для него все-таки был огромным авторитетом.

– А с чего ты, вдруг взял, что одно исключает другое? Я ж те говорю – все может быть. Все – значит все. И все при этом будут правы, и бесстыдно уверены в своей правоте.

– Ясно, – сказал Давид. – Философия какая-то.

– Это у тебя, брат, в голове – философия. Вот посмотри на руку свою – пять пальцев, да? А могла быть – клешня, черпалка дырявая, или десница королевская... Мог быть эротический сувенир вместо руки! Представляешь? – И Вальтер

изобразил удивление, будто рассказывал о каких-то «заморских» чудесах, а Давид глупо захихикал.

– Все могло быть! Ясно? – прикрикнул Вальтер, и Давид кивнул.

– Может быть, – продолжил наставник, – вечности и бесконечности не существует, и все сводится к точке ума, за пределами которой ничего нет. А может быть, однажды вы попросили древнего мудреца поведать о том, что такое сны разума и жизнь человека. Тогда, вся ваша жизнь – всего лишь искусная речь этого мудреца. И когда он завершит свой рассказ, вы обнаружите себя там, где и были всегда.

– А это где? – спросил Давид.

– Сказал бы я где...

– Так скажите!

– А нигде!

Давид поежился, но ничего не ответил.

– Может быть, ты, – указал наставник на Макса, и еще двое, или трое твоих друзей – боги вечности. И все, что ты ощущаешь, находясь в теле человека – ваша игра. Может быть, один из твоих друзей начал догадываться о том, кто он. Может быть, и ты вот-вот вспомнишь. Может быть, наша вселенная – лишь один из многих миллиардов атомов твоего тела.

– Мне такой чести – даром не надо, – небрежно ответил Макс. Он сидел, оперев голову на руку.

– Ты движешься сам в себе, будучи сознанием вселенной.

Одно биение сердца, мгновение твоего ока – и целые цивилизации сменяют друг друга. Исчезают короли, президенты, начальники и директора, банкротится Microsoft, Газпром поглощает Exxon Mobile, все цели и достижения, чувства, тревоги, радости и сожаления исчезают без следов в одно мгновение ока.

– Про Газпром, это точная информация? – спросил молчавший до этого сутулый ботаник, приподняв проекционные очки.

– Может быть, – ответил наставник, и с придурковатым выражением на лице поднял указательный палец.

– С-сука, – процедил сквозь зубы Макс.

– Может быть, все книги, фильмы, все речи, слова и символы говорят лишь об одном. Может быть, жизнь это и есть ты...

Вальтер глянул на часы и неожиданно сообщил, что на этом занятие окончено. Все, как по команде начали вставать и выдвигаться из комнаты. А моя пытливость заставила подойти меня с вопросом к наставнику. Увидев, что я приближаюсь, Вальтер кивнул, как бы спрашивая: «чего тебе?»

– У меня во время занятия дежавю случилось. Это переживание с точки зрения психологии имеет какое-то истолкование?

Наставник посмотрел на меня как на идиота и сказал:

– И что ты будешь делать с этим своим истолкованием?

– Уже и спросить нельзя?

– Отчего же. Спрашивай.

– Что такое дежавю?

– А ты я смотрю упорный, а?

– А вы – упертый, – я начал хмуриться.

– Дежавю – сложная тема. Тебе пока не надо знать.

– А переживать надо?

– Поживем – увидим.

С самого начала я Вальтеру не понравился. Возможно, все дело было в моем статусе – будучи сыном программно-архитектора, я официально числился как более «ценный гражданин». И видимо сам факт существования такого эпитета, наставника трогал за живое. Он то и дело бессовестно при всяком удобном случае ехидничал, намекая на мою никчемность в самых разных вопросах. Однако передавать меня другому наставнику Вальтер не спешил, за что я испытывал к нему благодарность.

Два года пролетели как мираж в мареве, без особых приключений. Казусов с памятью больше не происходило. И я бы позабыл об этом эпизоде, как забываются любые чудеса, бледнея в потоке времени, если бы не последующие события.

Мне нравилось учиться. Наставник мастерски вгрызался в мудреные темы, терпеливо отвечал на глупые вопросы Давида, выпады Макса и препирательства Анны. Сутулый Тим, как и все талантливые программисты, был похож на робота, которого сам же где-то внутри себя безвылазно программировал. Разговаривал он очень редко и только по делу. Зага-

дочная брюнетка по имени Хлоя говорила и того реже. За целых два года я о ней так толком ничего и не узнал. Кажется, она не испытывала к занятиям никакого интереса, и посещала их для какой-то своей загадочной «галочки».

Я подружился с Максом. Иногда мы вместе зависали в сети, играя в командные шутеры и гоночные ралли. Макс был профессионалом, и даже зарабатывал небольшие деньги, участвуя в виртуальных чемпионатах.

Занятия с Вальтером по-настоящему учили. Они придавали гибкости уму, и незаметно готовили к событиям, которым я и планировал посвятить этот текст. Я постарался сократить описание встреч с наставником до минимальных размеров, и пересказать ключевые аспекты, которые наилучшим образом объясняют случившееся... То же самое касается изложения будничной части моей жизни, которая на поверку является вполне себе заурядной, за исключением нижеописанных событий.

Искусственный разум

За пятьдесят три дня до озарения

Отец уже месяц как безвылазно пропадал на работе в лаборатории, а возвращался какой-то сдержанно возбужденный и взволнованный. Сознаться ни в чем не хотел, и все разговоры сводил к обсуждению моей учебы в пси-корпусе. Меня эта эмоциональная конфиденциальность с его стороны, вконец достала, и я решил докопаться за ужином.

– Давай рассказывай!

– Чего рассказывать? – опешил он. – Хочешь сказку на ночь?

– Хватит ерничать. Думаешь, не вижу? Мне ж интересно, что там с тобой такое... Роман завел? С киборгом? Ты же любишь киборгов, я знаю.

– Разбирать-то люблю. Потом из моноблоков можно назад собрать много интересного. С человеком так не получится...

– сказал он с сожалением в голосе.

– Да ладно, мне-то можешь сказать. Ты же любишь их. Ну, признайся, – тебе легче станет... – убеждал я его.

– Ладно, – сдался он, – если я тебе сейчас не расскажу, ты мне потом не простишь...

Я был уверен, что он продолжает отшучиваться, но ошибался.

– Мы смогли, – произнес он, поглядев на меня внимательно, как бы проверяя мою реакцию. Две секунды я соображал, затем по моей спине пробежал холодок.

– Да, Тэо, у нас получилось.

– Погоди-ка... – попросил я, пытаюсь переварить услышанное. – Не верю!

Лаборатория, где работает мой отец, представляет собой высококласный правительственный бункер, который может выдержать любой катаклизм, и даже (об этом я слышал в каких-то военных хрониках) может дрейфовать в космосе в случае разлома коры самой планеты. В этом скопище мозгов заперты сотни лучших инженеров и ученых со всего мира.

Я имел представление о работе отца. В нашем обществе, имитирующих человеческий характер консервных жестянок – больше, чем самих людей. Наверное, у каждого в городе есть персональный слуга. Я знаю людей, у которых по пять слуг – для самых разных целей. Андроиды – повсюду. Хвала Google Inc! Но ни одна машина доселе не обладала способностью к всестороннему саморазвитию. Все они выдавали заранее запрограммированные реакции. Иными словами, полноценный искусственный интеллект до сих пор не был изобретен. Никто толком и не знал, что это такое, и к чему может привести, но всем было дико интересно! Даже пустоголовые политики ежедневно читали новости Hi-tech, смотрели CyberSport, и посещали ежеквартальные выставки Les Terminators.

– Да, – сказал отец, не отрывая от меня смешливого взгляда, – мы его создали.

– Двести лет ученые бились над этой задачей, и вот сейчас ты мне тут заявляешь, что у вас получилось...

– На самом деле мы уже два года тестируем копию, а сейчас подобралась к важной вехе...

– Два года?! И ты молчал?! Какой вехе?

– Адаптация к реальности.

– А как? Как вы это сделали? – спросил я видимо обо всем сразу.

– Как бы тебе так ответить, чтобы не обидеть твой скудный рассудок... – заморгал отец, как бы защищаясь от моих

вопросов.

– Ты, главное, рассказывай! – не обижался я.

Он немного подумал и заговорил.

– Тэо, понимаешь, человек все видит в очень узком срезе.

Мы, как и десяток поколений ученых до нас полагали, что реальность – это привычная для нас жизнь. Но на самом деле мы совершенно не знаем, что такое реальность. Когда мы начинали работу, то думали, что искусственный интеллект – это такой типа компьютер, который обладает логическим мышлением, и понимает наш язык... – отец пожал плечами и покрутил головой, как бы удивляясь своей тогдашней глупости. – Так вот, это – полнейшая чепуха! – продолжил он. – Годы исследований были необходимы только для того, чтобы мы изменили свои убеждения, и нашли это...

– Это? Что конкретно? – я ощущал нетерпение.

– Ну, эта... – отец сделал серьезное лицо, – как бы... И типа, в общем.... А потом! У-у-у! Что было... – придурился он, – я тебе потом расскажу.

– Да пошел ты! – я начинал злиться.

– Какая же я сволочь, Тэо... – злорадствовал отец, поджав нижнюю губу.

– Это точно.

– Как плохо я тебя воспитал! Ай-яй-яй! Невротика вырастил... ты же вот-вот обидишься и хлопнешь дверью с той стороны, – заявил он с надеждой.

Отец любил строить из себя дурачка. «С дураков – спрос

меньше, – говорил он».

– Не дожدهшься, – не отпускал я его. – Ты мне сегодня все расскажешь. Ты должен!

– Сотни лет прогресса... Человек освободил себя от рабского труда, подчинил природу, открыл искусственный матричный мир, изобрел модулятор разума, пережил упадок и деградацию, осознал необходимость труда, наконец, закрыл искусственный мир. А вопрос уважительного отношения к родителям, так и остается насущной проблемой...

– Тебе мало? Тебя итак все уважают. Хочешь преклонений и простираний? Давай рассказывай! Может, я тогда снизойду... до лести.

– Ты уж постарайся! Чтобы я поверил. Зря что ли тебя психологии учат? Хоть какой-то прок выйдет...

Я молча кивнул, и выжидающе уставился на него.

– В общем, ты же знаешь, где-то лет сто назад ученые открыли три первичные силы. Так вот, основная программа основывается на их взаимодействии.

Мой отец, Михаил Ботов располагался в кресле в центре гостиной со стеклянным куполом, сквозь который прорывался свет тысяч мерцающих огней города. Взгляд его стал серьезным, спина выпрямилась, выглядел он статно. Его локти упирались в шелк подлокотников, а ладони плавно жестикулировали. Казалось, в его руках вращается какая-то древняя сила... Я не склонен к патетике, но высокая спинка кресла, осанка говорившего, эпохальная обстановка и значение

темы создавали ощущение чего-то неуловимо судьбоносного.

Я, будучи учеником пси-корпуса, хоть и понимал весьма поверхностно структуру работы отца, но отчетливо осознал, насколько она важна. Веками люди пытались создать подобное, истинно разумное искусственное начало, а не жалкую имитацию – суррогат, заполнивший нашу жизнь своей мертвой механичностью.

– Три силы, – продолжал отец, – это основа – кирпичики в теле нашего детища. Первая сила – движение, вторая сила – фундамент и третья – сила равенства. Их взаимодействие мы установили на тончайшем уровне. Раньше мы могли пользоваться только следствиями законов квантовой механики, сейчас мы способны этими силами управлять. Мы нашли инструменты, которые работают с причиной.

Меня переполняли вопросы, но я боялся прервать отца, боялся упустить что-нибудь существенное. К тому же я был уверен – отец расскажет все, что я должен знать. Он – гений, программный архитектор – один из немногих, кто стоит у штурвала современного мира технологий, граничащих с запредельностью. Я же, хоть и учился, как примерный троечник пси-корпуса, в теме, которая наполняла вечер, был и вправду, как дитя.

– Тебе, наверное, интересно знать, как это произошло? В какой момент мы поняли, что у нас получилось? Мне сложно это описывать, прости. Я там не один работаю, – он улыб-

нулся. – Но я попробую рассказать.

Я одобрительно закивал.

– Если упрощенно, – продолжил он, – то мы создали такой алгоритм, при котором сила равенства всегда уравнивает силу движения и фундамент – силу покоя. Я понимаю, как туманно это звучит, но вряд ли ты поймешь больше, если я начну использовать технический язык.

– Так нормально. Продолжай.

– Мы научились влиять на силу покоя – изменять ее, придавая необходимую для нас форму. Я не стану вдаваться в подробности. Возможно, ты уже понимаешь, к чему я веду?

– Сила покоя – это... как своеобразный вопрос? Как направление для трансформации? – предположил я интуитивно.

– Молодчина! – похвалил отец. – Я серьезно. Уравновешивающая сила – наиболее тонкая и существенная из трех. Ее изучение – это три четверти всей нашей работы. Мы просчитали миллионы вариантов равенства на квантовом уровне, затем разработали технологию разветвления и взаимодополнения этих функций. Мы создали такой алгоритм равенства, который отвечает за всю сеть программных решений.

Отец уловил мое недоумение.

– Если все упростить, Тэо, – в его голосе прозвучали нотки снисходительности, – третья сила – безупречна в своем устремлении уравновесить силу движения и силу покоя. Это ее цель – ее основное, и, пожалуй, единственное свойство.

Благодаря этому третья сила создает «решение» – выбор оптимального пути к равновесию. Мы создаем, как ты сказал «вопрос» из силы покоя, затем уравнивающая сила преобразует его в ответ. Она как бы выравнивает наш вопрос своим ответом...

В это время по нашей комнате поползли яркие огни – высоко над прозрачным куполом потолка проплывал грузовой корабль.

– И поверь, – продолжал отец, – мы уже заготовили для нашего детища все самые главные вопросы жизни!

– Эта сила что, создает «ответ» буквально из пустоты? Но как такое возможно? – удивлялся я.

– Я не в силах тебе это объяснить. Даже если бы ты прошел курс высшего программирования, это изменило бы немного в нашей беседе. Я и сам понимаю крупицу. Мы, ученые, сейчас оперируем материями, которые запредельны математической логике. В нашей вселенной дважды два может равняться четырем. Но если ты поставишь, на первый взгляд, невозможное равенство между двойкой и тройкой, эта невероятная сила его осуществит. Процесс может оказаться длительным, но все получится... Сама жизнь – тому подтверждение! – сказал он и легонько, будто был разнообразию осторожных смутьянов, хлопнул кулаком по столу. – Мы работаем во вселенной, которую априори не способны понять! Мы делаем первые шаги. Это – эксперимент. Мы нашли определенные закономерности опытным путем, и те-

перь смотрим на результат, который превосходит все, что мы способны понять своим логическим умом.

– Что я слышу? – сказал я подозрительно. – Ты – сторонник школы разума, а говоришь как метафизик...

– Да, пупсик, прошло много времени, мои взгляды растут, и сейчас я вижу, что как школа ортодоксальных метафизиков, так и школа разума – одинаково беспомощны перед фактами, которые нам открылись.

Отец взял бокал виски, сделал глоток и прикрыл глаза. Кажалось, он посмотрел куда-то вглубь себя, и, удовлетворившись увиденным, снова заговорил:

– Искусственный интеллект – это не просто программа. Это новый мир – среда со своими законами. То, что мы ощущаем, как два начальных измерения пространства и времени, там может быть лишь частью картины. Мы можем судить об этом по косвенным данным.

– Как время и пространство, но что-то другое? – удивился я, и попробовал представить себе это «другое».

– Да, но сейчас об этом говорить рано. В нашем языке нет слов, которые хоть как-то отразили бы эти сведения.

– А вот скажи, он... этот... ваше детище... способно действовать в нашем мире? Оно способно осознать, кто такой человек? – спрашивал я, осознавая наивность своих вопросов. Однако любопытство перевешивало.

– Мы называем искусственный интеллект «2И». Так повелось. Это – порядковый номер нашей лаборатории. Хотя,

официальное имя – «Я1». Можешь пользоваться любым, – сказал он, хотя сам называл его исключительно – «2И». – И я понимаю твой вопрос, но процесс, который ты называешь осознанием – это одна из загадок, над которой мы бьемся. Мы не постигаем, как 2И решает свои задачи при отсутствии самоосознания. Однако мы полагаем, что какой-то аналог фиксации собственного присутствия 2И, тем не менее, воспроизводит. Его «я» состоит из так называемых соединительных компонентов уравнивающей силы. И ты знаешь, мы изучали динамику психических процессов человеческих особей, и проводили аналогии, но человек сам для себя так и остался загадкой, не меньшей чем 2И. Можешь представить себе насекомое, у которого еще нет органов понимания, но есть органы приспособления. Наша сила равенства – это универсальное приспособление к любым условиям, в которых, как ты помнишь, два может равняться трем, четырем, сотне, облаку в штанах, шутке, облаку без штанов, чему угодно, если мы сможем предоставить эти данные 2И. Но разница с насекомым – громадная. Для последнего требуются миллионы лет эволюции, чтобы начать понимать, что оно есть, и оно ползает в траве. А может читать книгу или путешествовать по миру. 2И по нашим пока неточным оценкам проделает эту работу за ближайшие двенадцать лет. Затем, ты сможешь задать ему вопрос, и ожидать ответа. И это – совсем не тот ответ, который выдают поисковые системы. Заранее готовые решения нас не устраивают. Ответ 2И при-

зван быть идеальным, кратчайшим решением, на которое человек с его мутным рассудком и животными эмоциями просто не способен.

– Двенадцать лет потребуется, чтобы добиться от него ответов?

– К сожалению, да. Сейчас мы можем только наблюдать за его адаптацией к нашему миру, как родитель терпеливо наблюдает за ростом своего чада.

– Двенадцать лет! И как вы терпите?

– Если бы мы только могли найти выход, и хоть как-то ускорить процесс... – в его голосе прозвучало отчаяние.

После этого отец, не смотря на мою настойчивость, сменил предмет разговора, пообещав, что расскажет больше «в следующий раз». Мы проговорили час на серые типовые темы: учебы, работы, личной жизни и контактов с людьми. Все это навевало мне скуку.

Пройдя в спальню, я увидел своего старого кота Мориса, блаженно сопевшего на подоконнике. Какое-то странное, новое понимание приковало мой взгляд к нему, и оформилось в мысли. «Понимает ли Морис, кто он? – думал я. – Ведь это чудо, что у него есть сознание. Он видит жизнь, взаимодействует с ней на своем уровне. Он живой. Но как будет действовать холодный разум машины?»

Я долго не мог уснуть. Смотрел на далекие огни за витражом потолка и размышлял.

«Я ежедневно наблюдаю свою жизнь, но порой, кажется,

что вижу ее впервые. Там высоко, над землей – мириады вселенных сталкиваются, пронизывают друг друга и расходятся. Как редко я понимаю, что вселенная бесконечна. И какое чудо, что в ней есть человек. А теперь, человек изобрел 2И... Всего этого могло бы и не быть. Хотя, в бесконечности любые достижения итак ничего не значат – просто космическая пыль».

Мне стало тревожно, а ночью приснился кошмар. Я находился в небольшом кабинете, уставленном антикварными стеллажами с книгами. По центру комнаты располагался круглый стол, окруженный десятком стульев. Я выдвинул один и присел. В комнате было уютно, но что-то было не так. Я не помнил, как попал сюда...

Скоро должно начаться занятие, понял я – мое первое занятие с Вальтером. Должна прийти молчаливая девушка по имени Хлоя, затем Макс и другие ребята.

Я смотрел, как свечение лампы отражается на поверхности деревянного стола. Прожилки красного дерева, заполненные светом, привлекли мое внимание. Я заврожено разглядывал их, погружаясь в древесный мир уплотненного света, пока не почувствовал подкатывающую сонливость.

Я оторвался от световых пятен на столе и понял, что сижу в комнате уже очень долго, но до сих пор никто не пришел. Я начинал беспокоиться. Возникло ощущение, что никто никогда больше в эту комнату не войдет, потому что за ее пределами мир обрывается. И внезапно я ощутил страш-

ный грохот – не услышал, а именно ощутил каким-то шестым чувством, словно грохот этот был воображаемым, но в то же время пугающе мощным. Возникло чувство, что в самом механизме реальности нечто титанически важное безвозвратно сдвинулось, и время начало замедляться. Я хотел подняться и убежать. Но было поздно. Время двигалось все медленней и медленней. Я успел поднять ладонь, чтобы поднести ее к лицу, и увидел, как ладонь, замедляясь, застревает в воздухе, увязая все глубже и глубже в густой пустоте.

Затем время остановилось, и я понял, что вся моя жизнь была неправильной, потому что я жил «наоборот». Это было так, будто невидимый киномеханик поставил кинолентку моей жизни с другого конца. А я, увлекшись просмотром, даже не сообразил, что живу не в том направлении. Смерть была жизнью, а жизнь – смертью. Будущее – в прошлом, а прошлое – в будущем. Все было – в обратном порядке. И поэтому, догадался я, привычное будущее раньше было – неизвестностью. Каждый следующий миг – это пропасть незнания, в которую люди непрерывно проваливаются, называя это нормальной жизнью.

«Так жить просто невозможно, – понял я. – Жить, не подозревая, что ожидает тебя через мгновение – нельзя. Необходимо знать именно будущее. А прошлое при этом уже не имеет никакого значения». Видимо, божественный киномеханик решил поправить свою ошибку.

Когда незримый механизм времени остановился, и дол-

жен был начаться обратный отсчет, дикий страх вонзился в каждый мой нерв, и я проснулся, ощущая, как бешено колотится мое сердце. Почти сразу пришло огромное облегчение от осознания, что этот кошмар с жизнью в обратную сторону был просто сном.

«Как хорошо жить обычной тихой повседневностью, думал я. Однако если бы время все-таки пошло в обратном порядке, возможно, я смог бы увидеть, что скрывала от меня моя память – как я оказался в той комнате перед первым занятием с Вальтером, что со мной было до этого... Ох уж это нескончаемое любопытство...»

Цивилизация

За пятьдесят один день до озарения

Проснувшись, как обычно, за две секунды до звонка будильника, я потянулся, встал, успокоил ум, и принялся выполнять комплекс упражнений «проживание тела». Мне хотелось сорваться, и бежать к отцу, пока он снова не ушел в работу. Но я был неплохо обучен методикам пси-корпуса, и не позволял мыслям захватить разум.

«Соблюдение правил спасает человека от хаоса и деструкции», – гласил один из принципов школы. «Робот может сделать за тебя все – он может прожить за тебя жизнь», – это изречение из «Кодекса разумного человека» я почему-то вспоминал особенно часто.

Конец девятнадцатого века и начало двадцатого – в нашей истории считается темным временем. Был достигнут пик в

развитии робототехники, и модераторы (так мы себя называем) передали всю работу машинам. Братство торжествовало. Больше – никакого труда. Инфраструктура отточена столетиями. «Глупые» миряне и безжизненные киборги впахивали, а жители Цитадели, будучи беспечными «богачами», почивали на лаврах. Каждый мог позволить себе беззаботную амебоподобную жизнь. Фатальный идеал утопии.

Наши предки по безумной наивности полагали, что теперь будут счастливы, и смогут посвятить себя играм, творчеству и даже «как бэ» духовному развитию. Дальше игр никто пойти не возжелал. Даже не так. Игры были уделом «сильных». Большинство интересовала исключительно услада рассудка и тела. Наркомания, вожделение, сон, апатия, оттенки интенсивной лени, полное отсутствие смысла и цели неустанно вели Цитадель к гибели.

Говорят, в темное время деградации и вырождения появился лидер, который организовал сопротивление системе, тянущей нашу цивилизацию в никуда. Я говорю о цивилизации, подразумевая все человечество, включая мирян. Простой люд не подозревает, на чем основывается устройство жизни. Модераторы делятся своими технологиями ровно в той степени, в какой это позволяет сохранять порядок и контроль над массами. Без модераторов за несколько десятилетий миряне вернутся к варварскому средневековью, из которого смогут вылезти, лишь создав очередное мировое правительство.

Модераторы осознали необходимость труда для собственного выживания. Это положило начало углубленному развитию этики и психологии, которые до той поры явно отставали от времени.

После упражнений я вышел на балкончик своей комнаты. Наш дом располагается на окраине города, а город гнездится в глубине планеты. Недаром, осведомленные миряне зовут нас гномами, видимо намекая, в том числе и на нашу жадность. Разумеется, мы – обычные люди, просто хорошо образованные, и строим грандиозные сооружения под землей.

Пожалуй, если бы обыватель с поверхности увидел Цитадель, то не поверил бы своим глазам. Огромные километровые строения, уходящие вглубь земной коры, приближаясь к мантии планеты, освещены мириадами огней. Сквозь дома протянуты транспортные линии, по которым тихо плывут скоростные трамваи. Между строениями располагаются всевозможные парковые и прогулочные зоны, террасы и даже небольшие леса и озера.

Плотность населения в Цитадели – чрезвычайно низкая. У нас легко уединиться где-нибудь посреди небольшой рыночной площади. Разумеется, никаких продавцов и даже торговых автоматов в городе нет. Вещи в магазинах никто не охраняет. Каждый может взять любой товар, и честно расплатиться за него в личном терминале.

Насколько мне известно, в Цитадели нет обладателей личного транспорта, и конечно, никогда никакого подобия так

называемых «пробок» у нас не возникает. Личным транспортом мы пользуемся на поверхности. К слову, некоторые из модераторов, предпочитают жить в обычных мирских городах. Там – практически полный запрет на использование технологий Цитадели. Что вынуждает модераторов выбирать такой образ жизни, мне сказать сложно. Возможно – это какая-то аскеза, тяга к солнечным лучам, или психологический комплекс, с которым модератор наслаждается своим могуществом и авторитетом на фоне «простых смертных», жестоко утрамбованных в своих кирпичных муравейниках.

Тема таких вот неврозов на почве чувства собственной важности в нашем обществе самозабвенно муссируется сплошь и рядом каждым – от юных чад, до мастеров и ученых.

С отцом мы встретились на кухне. Обычно он не склонен к обсуждению работы и других важных дел за едой – вчерашний разговор стал исключением. Школа учит посвящать свое внимание всецело процессу поглощения пищи. Теория гласит, что такая созерцательность способствует развитию концентрации ума – одному из главных параметров по меркам школы.

Я чувствовал себя немного странно, еще с утра меня переполняли вопросы. Сейчас они кружили бесстрастными вихрями вокруг моей головы, но ум не будоражили. Я столько раз обесценивал собственные мысли, что теперь, кажется, это вошло в бессознательную привычку.

После завтрака мы вызвали транспортник. Через две минуты прибыл огромный беззвучный агрегат, похожий на дикую птицу. Внешний вид транспортников повышенной комфортности у нас – скорей дань моде, нежели эргономичности конструкции. Каждый может воспользоваться бесплатным «такси». У них нет владельцев. После доставки к месту назначения транспорт отправляется на стоянку, или к другим пассажирам. Вместо иллюминаторов здесь – прозрачные стены от пола до потолка, которые при желании можно прикрыть любой текстурой.

Я установил регулятор скорости на низкую отметку, чтобы отец насладился обзором во время пути. Мы пролетали над шпилями и крышами небольших конструкций, приближаясь к одному из транспортных узлов, внутри которого отец намеревался пересесть в элеватор, доставляющий модераторов на поверхность под небо (так мы называем мирские города).

Лаборатория 2И видимо в целях безопасности (я точно не знаю) располагается на приличном расстоянии от нашего подземного города. Путь до лаборатории пролегает через мирской мегаполис. Отец иногда любит гулять под небом, и разглядывать мирян. Для него это, как своеобразный экстрим – выйти из безупречной безопасности Цитадели в кавардак тамошней жизни, и почувствовать драйв от своей такой вот «смелости».

– Тэо, я под небом бываю в ресторанчике – «Уроборос».

Его держат наши – из модераторов.

«Уроборос – мифический змей, пожирающий себя с хвоста, – вспомнил я».

– Если захочешь продолжить разговор, приходи завтра к часу, – предложил он с ухмылкой.

Отец знал, как я не люблю поверхность. Я не разобрался в тамошнем мироустройстве, в законах и порядках, которые судя по слухам, сами же миряне постоянно нарушали.

– Так нечестно, – сказал я. – Ты не оставляешь мне выбора.

– Бедный – бедный Тэо... Какая безвыходная ситуация! Ты поплачь, легче станет.

Транспортник остановился. Меня переполняли смешанные чувства. «Я не люблю их мир. Я не хочу туда подниматься. Но я должен узнать больше о 2И».

– Завтра в час дня, – подтвердил я. – До связи.

Отец удивился, деланно выпучив глаза, и вышел из транспортника, а я поехал дальше – на учебу.

Да, я никогда не любил и не понимал жизнь на поверхности. Образование мирян я всегда считал примерно на девяносто семь процентов бесполезным. Молодые люди получают знания, которые совершенно ничего не дают – просто какой-то виртуальный мусор за небольшим исключением. Судя по всему, образование там устроено таким образом, чтобы миряне не получили никаких эффективных инструментов для саморазвития, при этом даже не заметив этого оче-

видного вопиющего факта.

У нас в Цитадели новообращенных и детей, прежде всего, обучают этике и основам повышения личной эффективности, стимулируют на результативную, деятельную и полезную для общества жизнь. Нам, к примеру, скрупулезно и очень доходчиво объясняют, что такое наркотики, и почему их не надо пробовать. В нас убивают зачатки жалости, жесткости, обидчивости, лени, вандализма, и других бесполезных наклонностей.

Лучшие умы Цитадели работали над курсом по этике и психологии. Эти предметы у нас сопровождают учащегося в течение всех лет обучения. Каждый обязан знать, как устроена его психика. Миряне этого не понимают. Им нет дела до своей сути и ее истинных потребностей. Они зомбированы модой, политикой, авто, гаджетами, игрушками и прочей вторичной шелухой.

Следующий по важности предмет у нас в Цитадели – логика. Нас обучают использовать эффективные модели мышления и действия. Сюда же входят базовые знания по математике и программированию.

Другой важный предмет – «диетология». Миряне по великой глупости используют пищу в качестве развлечения, даже не подозревая, какое влияние она оказывает на сознание и физическое самочувствие. Миряне с юных лет поголовно поглощают яд, но при этом должны изучать: Толстова и Достоевского, гидросферу, почвенные покровы, инфузорию ту-

фельку, пестики и тычинки, выдуманную историю отечества, таблицу химических элементов Карла Маркса, они должны уметь чертить карандашом геометрические фигуры и прочую ересь. Я мог напутать. В конце концов, у меня нет никакой мотивации – разобраться в том, как люди штудируют весь этот унылый бред.

А чему они в институтах учатся? Профессии? Ха! Там они забивают свои головы информационными отходами эффективной жизни. Высшие учебные заведения существуют для того, чтобы понизить потенциальную продуктивность студента, перегрузив его мозг абсолютно бесполезными и заурядными в своей сухости теориями. Молодые люди получают «знания», которые после обучения жить только мешают, потому что ничего общего с реальным положением дел не имеют. А когда выпускник пытается подогнать к реальной ситуации весь тот шлак, которому его обучили в ВУЗе, до него, если есть хоть капля разумности, доходит, как бездарно были потрачены лучшие годы его жизни.

Некоторые, продвинутые миряне начинают учиться заново – сами, интуитивно, на практике, без учителей от системы. А прочие же трутни становятся стражами своего бесполезного «знания». Перечислять профессии не стану. Они всем известны. Эти люди становятся рабами системы, которая охраняет себя от любых по-настоящему полезных для общества вливаний. И в этом нет особой заслуги равнодушных к мирской суматохе модераторов – бюрократия – это в

чистом виде тамошнее изобретение. Винтики системы – это особый вид паразитов, которые создают законы и правила, выдаивающие у их же сограждан максимально возможное количество денег и ресурсов всеми возможными способами. Продвинутым мирянам во все времена было ясно, что система работает не на людей, а на себя. Продвинутые модераторы во все времена по этому поводу испытывают что-то вроде ленивой отрешенности, а глубоко-чувствительных личностей (вроде меня) держат от власти на расстоянии меткого выстрела из снайперской винтовки.

А ведь удивительно, и как сами миряне не осознают, что являются людьми, а не штампованными куклами? В мирских школах и ВУЗах всех загибают под одну и ту же гребенку прокрустова ложа конвейерных теорий. Понимаешь ты предмет, которому учишься, или нет – там у них не имеет совершенно никакого значения. Все пятнадцать лет обучения мирянин учится не предметам, а тому, как наиболее эффективно удовлетворять «учителей». Миряне учатся не ради знаний, а ради оценок. Сами знания при этом – глубоко вторичны.

А самое удивительное, что в итоге, после пятнадцатилетней отсидки за партами, дипломированные «специалисты» не помнят и процента от полученных «знаний» по своей специальности. А все потому, что сами «знания» преподносятся именно таким образом, чтобы, напрочь забить все свободные ячейки памяти, перемешаться в них и расплавиться в

громоздком котле отстойной теоретической каши, которая с годами начинает портиться и плохо пахнуть.

Что побуждает людей тратить годы жизни на этот ментальный онанизм, выдавливая из себя все соки жизни, я никогда не мог понять. Поэтому – общения с людьми на поверхности я, разумеется, избегал и даже где-то опасался.

В Цитадели дела идут иначе. Нам дают только самое важное, тщательно вымеренное знание, поэтому базовое образование у меня никогда не отнимало больше десяти часов в неделю, и было увлекательным. Никаких домашних заданий нам никогда не задавали. Классы в Цитадели – небольшие, поэтому к каждому ученику – индивидуальный подход. Наставники выявляют наши сильные стороны, и помогают их развивать. Только концентрация усилий и знаний в конкретных областях дает реальный результат. А среднестатистический мирянин чаще всего совершенно неспособен углубиться в информацию, которой пичкают его мозг в тамошних школах – предметов слишком много, а их эффективность – ничтожно мала.

Образование – это еще цветочки. Жизнь там – на поверхности – попросту опасна. Дипломированные варвары вынуждены тратить огромное количество энергии и ресурсов на физическую и социальную защищенность. Модераторы уже давно пытаются донести до мирян технологию микрочипов, которые встраиваются в физические тела. Но миряне все чего-то боятся. Наверное, опасаются контроля, как будто их и

без того не пасут. Вероятно, они просто не дозрели до подлинной этики.

Предполагается, что встроенный в тело чип будет включать в себя датчик, отслеживающий местопребывание каждого человека. Если мирянин пропал, или где-то потерялся, его можно найти. Если мирянин попал в неприятности, можно определить местопребывание всех участников «неприятностей». Это простое нововведение сократило бы количество преступлений в десятки раз. Но миряне, кажется, просто не хотят жить в безопасности.

А чего стоят их машины и дороги? Бог с ними с машинами. Чего стоят правила? Они же тратят десять процентов своей жизни на пробки, которые сами же самозабвенно поносят. Наверное, эта проблема еще долгие века будет оставаться на поверхности одной из главных. А надо-то ввести всего пару простых перемен, и все наладится. В городе личным транспортом должны пользоваться либо за дополнительную плату, либо, лица, заслуживающие этого права – люди исключительно полезные для общества: ученые, врачи, охрана порядка и другие службы. Общественного транспорта станет больше, и он будет удобней. Вообще, личные машины для каждого отдельного человека в больших городах – это блаж. Нужны общественные кабины перемещения, которые можно заказывать на определенное время, и которыми никто не владеет. Если кабинку оставили около дома, ее может использовать любой другой человек. Таким образом,

потребность в личном транспорте будет минимальной.

Меня в этой рефлексии носило еще несколько минут по самым разным сферам, и когда я очнулся, то пожалел о потраченном времени. Мир на поверхности ничто не исправит. И переживать об этом нет никакой необходимости.

Проекция реальности

За пятьдесят дней до озарения

Наши мудрые (или скорей хитрые) наставники приложили максимум усилий, чтобы сделать обучение смыслом нашей жизни. Самым увлекательным является курс по этике и психологии. Обучение проходит в свободной форме, и куда больше напоминает передачу ремесла от мастера к своим подмастерьям, нежели академическое обучение в каком-нибудь мирском ВУЗе с экзаменами. Никаких экзаменов Вальтер нам не устраивал. Зачем мастеру экзаменовать своих учеников, если он и без того знает их, как облупленных? Вместо дипломов с оценками у нас используется сложная рекомендательная система, которая в отличие от бессмысленных цифр в зачетках у мирян дает точную всеобъемлющую характеристику ученика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.